

В. Гак
(Москва)

«КОВЕРКАНИЕ» ИЛИ «ПОДДЕЛКА»?
(Об одном опыте перевода варваризмов)

Одной из труднейших задач, с которой может столкнуться переводчик при работе над художественными произведениями, является передача элементов речи, находящихся за пределами литературных норм языка подлинника. Все эти элементы, пребывающие на стилистической периферии языка: архаизмы и неологизмы, диалектизмы и арготизмы, просторечные выражения и варваризмы, — выделяются на фоне общеупотребительных, общенародных норм именно данного языка. В связи с этим они имеют ярко выраженную национальную окраску, и при передаче их не всегда можно пользоваться соответствующими пластами языка перевода. Так, немыслимо переводить южнофранцузские диалектизмы с помощью особенностей южнорусских диалектов, так же как невозможно передать на французском языке украинизмы в речи гоголевских персонажей. В весьма удачном в целом переводе «Тихого Дона» на французский язык, сделанном Антуаном Витезом, полностью утрачены речевые черты донского казачества. Так же невозможно передать французское просторечие, лежащее за пределами литературной нормы, русским просторечием. В этих случаях показывают лишь некоторое отклонение речи говорящего от «выдержанной» литературной речевой нормы, что достигается не употреблением русских диалектизмов или вульгаризмов, но использованием некоторых разговорных элементов языка¹. Здесь в силу чисто лингвистических при-

¹ В этом отношении показательны наблюдения К. Чуковского, изложенные в его статьях, опубликованных в «Литературной газете».

чин при переводе неизбежны большие потери, которые лишь частично компенсируются переводческими ремарками и комментариями.

Большой трудностью является передача при переводе варваризмов, то есть элементов, заимствованных из другого языка. В некоторых случаях в языке подлинника и языке перевода могут существовать определенные традиции в изображении особенностей речи, возникающих под влиянием третьего языка. Эти традиции опираются на структурные расхождения внутри каждой пары языков и внешне могут иметь различные черты. Так, в русской литературе немецкий акцент нередко изображается употреблением «и» вместо «ы», мягкого «ль» вместо твердого «л», то есть показывается замещение немецкими фонемами русских фонем, отсутствующих в немецком языке. Во французских же текстах немецкий акцент передается заменой звонких согласных глухими и наоборот. Эти соотношения обычно отражаются при передаче немецкого акцента персонажей в переводах с французского языка на русский. Вот характерный пример из перевода романа О. Бальзака «Кузен Понс»: *Fus recartez fodre hami drisde-ment, seriez-fus chaloux te lui?*². «Ви с огорщением смотрите на ваш друг, неушели ви имеете к нему зависть?»³ (слова Шмуке). Имеются совпадения в приемах: замещение фонемой ш фснемы ж, но наиболее характерны расхождения. Во французском тексте имитация немецкой речи построена исключительно на фонетических моментах, о которых говорилось выше, в то время как в русском переводе акцент передается не только фонетически, но и с псмсщью лексико-грамматических средств (несвойственное русскому

те» (сентябрь 1963 г.). Элементы фамильярной речи английского подлинника иногда воспроизводятся в русском переводе, иногда — нет. Одобряя такой различный подход к отдельным конкретным случаям, критик объясняет это чувством меры, языковым чутьем и вкусом переводчиков. Однако лингвистически такие разные решения можно объяснить, по-видимому, тем, что в одних случаях отклонения от английской литературно-книжной речи не выходят за пределы нормы, и их можно передать элементами русской разговорной речи, в других же эти отклонения относятся уже к просторечию, находящемуся вне пределов нормализованной речи, и при переводе адекватно переданы быть не могут.

² H. de Balzac, *Le Cousin Pons*, Paris, Calmann Lévy éd., 1895, p. 79.

³ О. Бальзак, *Кузен Понс*, пер. И. Татариновой, Собр. соч. в 15 томах, т. 10, М., 1954, стр. 499.

языку употребление глагола «иметь», несоблюдение паделсных форм).

Особая трудность возникает при передаче черт умерших языков, например латинского языка, так как здесь фонетическая имитация невозможна, и переводчик вынужден ориентироваться исключительно на лексические и грамматические средства.

Большой интерес представляет опыт передачи латинизмов в переводе главы VI второй книги романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» известным советским переводчиком Н. Любимовым. В подлиннике эта глава называется: «Comment Pantagruel rencontra un Limosin qui contrefaisoit le langaige françoys», в переводе: «О том, как Пантагрюэль встретил лимузинца, коверкавшего французский язык»⁴. Рассмотрим особенности речи школяра в подлиннике и в переводе.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что у Рабле латинизмы носят исключительно лексический характер. Это латинские корни и суффиксы, одетые в морфологическую оболочку французских слов. Мало того, почти все латинские слова — образовательные элементы, присущие речи лимузинского школяра, уже «офранужены», они встречаются в словах ученого происхождения, уже заимствованных к этому времени французским языком из латинского. Таковы суффиксы *-cole*, *-ique*, *-issime* и др. Суффикс *-bond*, который школяр присоединяет к слову *amor*: *amogabond*, был уже представлен в таких словах, как *furibond* и *moribond*. Да и сам суффикс имеет французскую форму *-bond*, а не латинскую *blindas*. *Omni-*, который лимузинец использует для своего забавного *omnijuge*, уже было известно из ставшего французским слова *omnipotent*. Школяр злоупотребляет латинскими уменьшительными суффиксами *-cule* и *-ule*. Но и эти форманты были представлены, например, в слове *corpuscule*, заимствованном еще в XIV веке. При обилии латинских корней и аффриксов для речи лимузинца характерно то, что в ней нет ни одной латинской флексии, ни одного латинского служебного слова, ни одной грамматической конструкции, заимствованной из латыни. Построение его фраз, оформление его слов чисто французское. Хотя уже в то время во французский язык стали про-

* F. Rabelais, Oeuvres, t. 1, Paris, Flammarion, s.a., pp. 154—156. Франсуа Рабле, Гаргантюа и Пантагрюэль, пер. Н. Любимова, М., Гослитиздат, 1961, стр. 173—175.

никать существующие до сих пор слова с характерными латинскими окончаниями (*humus, album*), в речи школяра их нет, он и не думает присоединять эти морфемы к французским корням. Напротив, словно нарочно, он прибавляет к латинским корням французские грамматические окончания и форманты. Так, во французском языке иронически употреблялось латинское наречие превосходной степени *optime*. По его образцу школяр мог бы сказать *libentissime*, но он прибавляет к последнему характерное окончание французских наречий *-ment*: *libentissiment*. Также и к латинскому *vice versa*, вошедшему во французский язык, он прибавляет то же окончание: *vice versement*.

Итак, герой Рабле говорит своеобразным языком, в котором латинские лексемы облечены в чисто французскую грамматику.

Переводчик проявил огромную изобретательность, находчивость, остроумие, чтобы воспроизвести в переводе «латинщину» оригинала. Можно отметить три разных приема, которыми он при этом пользуется.

Во многих случаях в переводе используется тот же прием, который является единственным у автора: латинские слова употребляются в русском грамматическом обличье: «трансфретируем», «деамбулируем», «инкулькируем наши веретры в пенитиссимные рецессы пуденд этих амикабилиссимных меретрикулий» и т. п. Однако в отличие от французского языка в русском такие образования производят впечатление ученой иностранщины вообще, а не специфически латинизированных слов. В связи с этим переводчик прибегает к обратному приему, а именно добавлению латинских формантов к русским корням. Не только характерные латинские окончания «ус», «абус» включаются в основу слова (баранусовые лопаткусы, кошелькабус), но и к русским словам присоединяются латинские флексии: глагольного инфинитива (обдираре), флексия первого лица множественного числа глаголов (ожидамус), герундия (уплетандо), наречия в превосходной степени (охотниссима). В русском переводе встречаются латинские предлоги (кум), частицы (поеликве), местоимения (ностри), так же как и вообще различные латинообразные суффиксы и окончания (карманари, гольтьбарии, такум и сякум). Но подобная латинизация русской речи звучит порой пародийно-иронически, в то время как в подлиннике — потуги школяра «на высокий штиль». Этот оттенок «высокого штиля», *веле-*

речия в переводе передается с помощью поэтизмов, а также церковнославянизмов. Вот пример первого соответствия (латинизмы в подлиннике — поэтизмы в переводе): «Dès ce qu'il illucesce quelque minutule lesche du jour...» — «Едва лишь возблещет первый луч Авроры...». Примеры славянизмов, способствующих повышению стилистической тональности перевода: *Тщимся снискать благоволение; поелику; идеже у полется прах святителя; велелепейшие храмы* и пр.

Итак, в переводе используются три способа для воспроизведения своеобразного стилистического качества подлинника: латинские слова в русской морфологической оболочке, русские слова в латинской морфологической оболочке и элементы высокого стиля (поэтизмы, церковнославянизмы). Все вместе они производят сильный комический эффект, причем наиболее выразительным оказывается второй прием. Нанизывание русских слов с латинской морфологией производит впечатление не только «высокой учености», как первый прием, но и полной белиберды: *поджарентум кум петруцка, такум и сякум его обогатаре* и т. п.

В общих чертах можно сделать такой вывод: если автор для придания латинского колорита речи своего героя пользуется заимствованием корней и оставляет в неприкосновенности грамматическую структуру родной речи, то переводчик во многих случаях поступает обратным образом: сохраняя русские корни слов, он латинизирует их форманты. Ср. *libentissiment охотниссиме; queritans — молендо; Iuscupleter — обогатаре; nous dimittons — мы расставамус; peñforaminées — поджарентум* и пр. (выделены латинские элементы в словах). Различие приемов находит отчасти обоснование в литературной традиции передачи латинизмов в двух языках. В своем историческом развитии французский язык постоянно пополнялся заимствованиями из латинского языка, которые хлынули в него особенно сильным потоком именно в XVI веке в связи с деятельностью французских гуманистов, в том числе и самого Рабле. Образовались два этимологических слоя французской лексики: так называемые народный и ученый лексические фонды. Несмотря на ассимиляцию, слова ученого фонда до сих пор часто ощущаются как заимствования, и заимствования именно из латыни. В эпоху Рабле это ощущение было еще сильнее. Ввиду этого и латинизация речи могла быть легко достигнута использованием латинских вариантов

корней. В русском языке, как отмечалось выше, заимствования из латинского языка воспринимаются как вообще западноевропейские заимствования, а не специфически латинские. Поэтому в русском языке для стилизации под латынь издавна используются разные «усы», «умы» и прочие форманты⁵. Именно этот прием, имеющий традицию в русской литературе, и использовал переводчик.

Таким образом, при переводе данной главы переводчик встретился с объективными трудностями и наилучшим образом использовал приемы, к которым он мог обратиться, с учетом особенностей языка перевода и литературной традиции.

Интересно проследить, однако, не отразилось ли на содержании вынужденное изменение приема стилизации.

Рабле, как отмечалось, широко используя латинские корни, оставлял в неприкосновенности французскую грамматику. Но грамматический строй морфемы в целом более характерен для специфики языка, нежели корни слов. Знаменитая «Глокая куздра» Л. В. Щербы, конечно, не фраза русского языка, но может быть принята за фразу русского языка. Так и фразы лимузинского школяра не всегда являются французскими, но могут быть приняты за французские фразы именно в силу полного, можно даже сказать, скрупулезного сохранения морфолого-синтаксического строя французской речи. Лимузинец стремится говорить на самом лучшем французском языке, как бы подделаться под язык парижан". Бедный школяр, явившийся из провинции в столицу, хотел говорить как настоящие парижане. Но поскольку вращался он, видимо, среди таких же школяров, как он сам, да всевозможных ученых педантов (за исключением, разумеется, тех моментов, когда он «транскретировал Секвану»), уснащавших свою речь латинизмами, то и думал по наивности, что такой пропитанный латинщиной язык и есть самый лучший французский язык. Для этого он «обдирал кожу» с латинского языка, то есть заменял латинскую грамматическую оболочку французской, оставляя в неприкосновенности латинские корни

⁶ Ср. классический пример: «лошадендус свалендус с мостендус»⁶ (Н. Г. Помяловский, Очерки бурсы).

⁶ Об этом прямо говорит один из спутников Пантагрюэля: «Сеньор! Этот молодец пытается обезьянничать с парижан... Он совершенно уверен, что говорит на прекрасном французском языке...» (стр. 174).

слов. Таким образом, подделывая французский язык, он коверкал латынь. Это отмечается и в названии главы, где говорится, что школяр *contrefaisoit le langaige françoys*⁷. Не следует забывать, что в эпоху Рабле прилагательное *français* относилось не столько ко всей Франции, сколько к языку Иль-де-Франса, с Парижем в центре. Таким образом, стремление лимузинца говорить на *langaige françoys* отражало желание провинциала говорить по-столичному. Характерно, что, как только Пантагрюэль «схватил его за горло», школяр закричал на лимузинском диалекте, заговорил *naturellement*, то есть на своем родном наречии, а не на общефранцузском языке. Название главы можно было бы перевести: «О том, как Пантагрюэль встретил лимузинца, старавшегося говорить по-столичному».

В русском переводе, в силу тех же обстоятельств, создается впечатление, что школяр стремился говорить по-латыни для пушей важности и большей учености, но, не зная толком этого языка, он коверкал слова родной речи, облекая их в латинскую форму. Это нашло отражение в переводе заглавия, где говорится о лимузинце, коверкавшем французский язык, что, как видно, не вполне точно.

Итак, проанализированный опыт передачи при переводе варваризмов показывает, что эта проблема ставит такие объективные трудности, что даже выдающиеся мастера перевода не могут решить ее без некоторых потерь и сдвигов в передаче содержания.